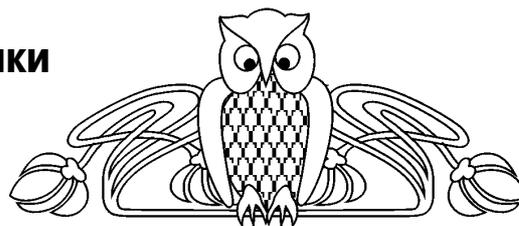

УДК 94(41/99)

Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков

О. А. Шамарина

Шамарина Олеся Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamarina.olesya@yandex.ru

В статье рассматривается политика «мягкой силы» Турции в отношении Грузии на рубеже XX–XXI вв. Проанализированы основные инструменты и формы реализации этой политики в гуманитарной сфере, обозначены ее условия и исторический контекст. Сформулированы выводы относительно целей сотрудничества, а также перспективы применения турецкой «мягкой силы» в отношении Грузии. **Ключевые слова:** «мягкая сила», Турция, Южный Кавказ, Грузия, гуманитарные проекты.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries

O. A. Shamarina

Olesya A. Shamarina, <https://orcid.org/0000-0001-6026-3919>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shamarina.olesya@yandex.ru

The article discusses the «Soft Power» policy of Turkey towards Georgia on the cusp of the 20th and 21st centuries. The author analyzes the main tools and forms of this policy implementation in the humanitarian sphere, outlines its terms and historical context. The study draws conclusions concerning the cooperation nature and prospects for Turkish «Soft Power» applying in Georgia.

Keywords: «soft power», Turkey, South Caucasus, Georgia, humanitarian projects.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-236>

На протяжении всей своей истории Южный Кавказ являлся эпицентром столкновения различных религий, наций и государств. В настоящее время здесь также сталкиваются интересы как региональных, так и внерегиональных (Россия, США, ЕС и др.) акторов, формат взаимоотношений между которыми во многом определяет уровень стабильности. Заметную роль в политических процессах на Южном Кавказе с конца прошлого века и вплоть до сегодняшнего дня играет

Турция, претендующая на роль трансрегионального лидера. В контексте ее региональной политики именно Грузии отводилось особое место.

Долгое время вплоть до 1878 г. территория Южной Грузии входила в состав Османской империи. В годы Первой мировой войны в 1918 г. Батумская область была вновь возвращена под контроль османов, пока в 1921 г. в соответствии с Карским договором Турция отказалась от нее в пользу Грузинской ССР. Исполнявший обязанности народного комиссара иностранных дел Турции А. Мухтар заявил депутатам Великого национального собрания Турции (ВНСТ) 3 января 1921 г.: «Порт Батум имеет особое положение. Батум является единственным окном, через которое могут дышать кавказские республики, все живущие там около 12 млн. человек различных национальностей»¹. Политический и идеологический вакуум, образовавшийся в 90-е гг. прошлого столетия как следствие распада СССР, и обретение независимости новообразованными республиками позволили политическому руководству Турции вновь обратить свои взоры на территорию грузинского государства с точки зрения укрепления своих позиций и усиления своего влияния здесь.

В силу сложных и крайне противоречивых армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений Грузия также являлась и является единственным связующим мостом, своего рода «площадкой» между Турцией и ее основным партнером – Азербайджаном. На сегодняшний день Грузия важна для Турции и с точки зрения доступа к энергоресурсам Центральной Азии и Каспия, поскольку именно через территорию грузинского государства проходят основные коммуникации по их транспортировке, а контроль над ними автоматически превратил бы Турцию в «энергомост и терминал между Европой и Азией»².

Что касается самой Грузии, то «дружба» со своим геополитическим врагом, веками мешавшим процессу объединения грузинских царств и княжеств в единое государство, была выгодна и ей самой, поскольку в лице Турции грузинское руководство с момента обретения страной независимости видело не только противовес России, но и проводника на пути интеграции в ЕС и НАТО³, особенно после прихода к власти президента Михаила Саакашвили.

Именно Турция одна из первых признала независимость Грузии 1 ноября 1991 г. Уже в конце 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель прибыл с официальным визитом в Баку, в ходе

которого был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, ставший базовым документом правовой основы двусторонних отношений. 30 июля 1993 г. в турецком парламенте была заявлена новая внешнеполитическая стратегия Турции. В частности, в ней говорилось, что «появление новых независимых государств на постсоветском пространстве положило начало чрезвычайно новому и важному развитию для Турции. В 2000-е годы государство должно стать центром притяжения в этом обширном регионе»⁴.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие прошлого века было сделано немало в вопросах наращивания взаимного сотрудничества двух стран – это и подписание 20 сентября 1994 г. международного «контракта века» по совместной разработке трех нефтяных месторождений, и Соглашение о сотрудничестве в военной сфере 4 апреля 1996 г., в соответствии с которым грузинские силовики перенимали военный опыт у своих турецких коллег в рамках проведения совместных учений на военных базах в Турции⁵, и Меморандум о сотрудничестве и взаимном согласии в военной сфере от 25 апреля 1998 г., в рамках которого Грузия получила финансовую помощь на развитие грузинских ВС, взаимоотношения Турции и Грузии в 90-е гг. XX столетия сложно назвать конструктивными. Так или иначе, невзирая на ряд сложностей и просчетов турецкого руководства, именно в этот период времени был заложен базис для дальнейшего развития и расширения взаимовыгодных контактов между Турцией и Грузией.

После прихода к власти в 2002 г. умеренной исламской Партии справедливости и развития в Турции наметилась тенденция к смене внешнеполитических приоритетов от господствовавших долгое время доктрины реализма и откровенно прозападной ориентации в сторону большей многовекторности внешней политики страны и подчеркивания при этом своих исламских корней и имперского прошлого. Новая внешнеполитическая доктрина турецкой правящей партии, основанная на предложенной турецким политиком, профессором Стамбульского университета Бейкент Ахметом Давутоглу идее «нулевых проблем с соседями», первоначально широко приветствовалась и рассматривалась в качестве стратегической «дорожной карты» для реализации нового внешнеполитического курса страны. Ярким подтверждением обновленного курса страны стали события 2006 г., когда в ходе очередного витка грузино-абхазского конфликта позиция Анкары была направлена не на поддержание той или иной стороны, а на развитие отношений с каждой из них по отдельности.

События ноября 2003 г. в Грузии, известные более как «Революция роз», в результате которых в стране произошла смена политического руководства, также выдвинули перед новым президентом Грузии М. Саакашвили новые требования. В

частности, в соответствии с Концепцией национальной безопасности Грузии 2005 г.⁶ одним из приоритетов внешнеполитической деятельности страны провозглашалось сотрудничество с Турцией. Однако если до лета 2008 г. Турцию можно было по праву считать страной, взявшей на себя роль регионального лидера, обладающего значительным стратегическим весом, то «война 08.08.08», более известная как «Пятидневная война», выявила жесткое противостояние геополитических интересов двух внерегиональных игроков – России и Соединенных Штатов, что означало практическое «обнуление» достигнутых Турцией результатов на Южном Кавказе. Любой опрометчивый шаг турецкого руководства мог обернуться для страны открытыми столкновениями с одним из трех партнеров. Именно поэтому Анкара, все же не отказываясь от заманчивой идеи стать региональным лидером, предприняла ряд шагов по стабилизации ситуации в регионе и повышения своего статуса, в частности, выдвинула идею создания Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе, озвученной в ходе визита премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в Москву⁷. Среди других ее инициатив можно назвать оказанную продовольственную помощь и строительство 100 домов для беженцев в Гори⁸.

Таким образом, начиная с августовских событий 2008 г., турецкая политика «нулевых проблем» подвергалась резкой критике как в самой стране, так и в Грузии в частности, за несоответствие между ее целями и средствами реализации. После указанных событий Турция пыталась нейтрализовать напряжение в отношениях с Грузией расширением сотрудничества в культурных, образовательных и религиозных сферах, ставивших, помимо прочего, своей целью популяризацию «турецкой модели» развития государства посредством реализации политики «мягкой силы».

С целью расширения зоны своего влияния в регионе наряду с совместными экономическими инициативами Анкара придавала особое значение гуманитарным проектам. Причем ряд республиканских политических деятелей Турции интерпретировали продвижение этих инициатив как целенаправленные шаги по формированию позитивного образа Турции в грузинском обществе; другие же, наоборот, видели между этими направлениями политики полное отсутствие синхронизации. Так или иначе, факт остается фактом: как и в десятках других стран, Турция начала использовать рычаги для распространения своего религиозного, идеологического и культурного влияния в Грузии. По большому счету эти инициативы координировались тремя влиятельными государственными учреждениями, действующими при премьер-министре Турции: Турецкое Агентство по сотрудничеству и развитию (Türkiye İşbirliği ve Kalkınma Dairesi, TİKA), Турецкие культурные центры имени Юнуса Эмре и Управление по делам религии, Диянет⁹.

ТКА начала свою активную деятельность на территории Грузии еще в 1994 г. Среди основных достижений его работы можно отметить улучшение социальной и экономической инфраструктуры и услуг; ремонт и оснащение образовательных центров; организацию образовательных программ (профессиональное обучение, обучение языкам и т. д.), здравоохранение и улучшение качества питьевой воды. Согласно ежегодному финансовому отчету организации в 2012 г. Грузия получила 4,23 % от общей финансовой, профессиональной и технической поддержки ТКА, что сделало Грузию седьмым по объемам расходов и вторым по величине (после Кыргызстана) крупнейшим бенефициаром Агентства на постсоветском пространстве¹⁰.

Однако уже спустя два года согласно новому опубликованному финансовому отчету Агентства за 2014 г. доля Грузии в бюджете ТКА значительно сократилась: ей была отведена только шестая позиция из семи стран региона Центральной Азии и Кавказа, получавших помощь от Турецкого Агентства по сотрудничеству и развитию¹¹.

С 2007 г. Анкара приступает к реализации своего другого проекта в рамках общего «мягкого» курса страны: создание турецких культурных центров Юнус Эмре по всему миру, целью которых стала популяризация турецкого языка, литературы, истории и культуры. Эти центры были созданы по образцу Гете-Института, Британского совета, Института Сервантеса и других подобных учреждений. Коснулись турецкие инициативы и Грузии – в мае 2012 г. заместитель премьер-министра Турции Бюлент Аринч в Тбилиском государственном университете имени Иване Джавахишвили открыл первый в Грузии Турецкий культурный центр имени Юнуса Эмре, который ежегодно проводит культурные фестивали, отмечает государственные праздники Турции, организует занятия по турецкому языку и литературе, а также инициатирует проведение совместных гуманитарных проектов. Позднее, по сообщению посольства Турции в Грузии, усилиями Центра состоялось открытие кафедры турецкого языка в Кутаисском государственном университете имени Акакия Церетели, втором по величине городе Грузии, и в Государственном университете имени Самцхе-Джавахети в Ахалцихе, городе на юго-востоке Грузии, большинство населения в котором составляет армянская община.

В отличие от предыдущих двух организаций Управление по делам религии Диянет активно ведет свою деятельность на территории Турции с 1924 г. В 80-х гг. XX столетия Управление впервые вышло за пределы страны, опираясь в большей части на опыт работы с мусульманскими общинами за рубежом. Несмотря на тот факт, что, по данным национальной переписи населения 2014 г., лишь только 10,7 % грузинского населения причисляли себя к мусульманам¹², Турция не отказалась от своих религиозных инициатив,

активно развернув деятельность Диянет в трех районах Грузии с большинством мусульманского населения – Квемо Картли, Ка-Хети и Аджарии. Как и в других странах региона, религиозная политика Анкары на территории Грузии заключалась в помощи грузинскому населению в организации хаджа, обучении имамов, подготовке богословов, предоставлении стипендии на обучение в аспирантуре Турции, а также оказании финансовой помощи на восстановление старых и строительство новых мечетей.

Не последнюю роль в лоббировании религиозных интересов страны в Грузии играет Турецкое консульство в Батуми, которое активно поддерживает Диянет в вопросах распространения исламской литературы на грузинском языке в Аджарии, а также направляет туда турецких религиозных лидеров для проповеднической работы в местных мечетях, полностью покрывая их расходы за счет государственного финансирования. Руководство Диянета на регулярной основе посещает Грузию и проводит встречи с руководителями муфтиятов. Именно религиозное управление стояло у открытия второго по величине медресе в Грузии в селе Меоре Кесало в 2000 г. В 2002 г. в Квемо-Картли, районе, располагающемся в непосредственной близости к Азербайджану, при финансовой помощи Турции было открыто исламское медресе, которое собрало в своих стенах немалое число местной молодежи. Вскоре они начали вести протурецкую пропаганду уже вне стен заведения. Наиболее успешные из них даже были приглашены на бесплатное обучение в турецкие вузы. Получив соответствующее образование и вернувшись в родную Грузию, именно они стояли у открытия ряда молодежных организаций, поддерживавших и пропагандировавших турецкую модель развития – среди них наиболее известными стали организации «Хузур», Общество образования и помощи молодежи Грузии, руководство над которыми негласно осуществлял лидер Ассоциации грузинско-турецкой дружбы Эмин Шекерджи. За относительно короткий промежуток времени эти организации упрочили свое влияние и авторитет в массах, значительно увеличив численность, прежде всего, за счет безвозмездной финансовой помощи нуждающимся семьям во время турецких религиозных праздников. Основным же спонсором подобной благотворительной деятельности выступало Агентство ТКА¹³.

Помимо учебных курсов «Хузур» выпускал просветительский журнал «Угур», финансированием которого занимались теперь не только турецкие бизнесмены, проживающие в Грузии, но и азербайджанский Фонд помощи молодежи.

Турецкие грузины (груз. – «чвенебури») составляли мощную основу для «турецкого лобби», особенно в регионе Аджарии, где мусульмане представляют численное большинство. В соответствии с одним из шести принципов, предложенных А. Давутоглу (в частности, «эффективное

использование международных форумов»¹⁴), еще в 2000 г. Анкара инициировала создание здесь турецко-культурного образовательного фонда, который выступил организатором конференций, круглых столов, мастер-классов по интересующей совместной тематике.

Не менее важной структурой в вопросах религиозного продвижения интересов Турции среди мусульманских общин на Балканах и в бывших советских республиках стал учрежденный Управлением по делам религий еще в 1995 г. Евразийский исламский совет (Avrasya İslam Şurası, EİC). В задачи Совета входила организация конференций, в которых на постоянной основе принимают участие лидеры Грузинской мусульманской общины, в том числе муфтии из Аджарии.

Помимо вышеупомянутых государственных учреждений, в Грузии действует также ряд турецких образовательных учреждений, входивших в сеть школ Фетхуллага Гюлена. В преддверии раскола между Реджепом Тайипом Эрдоганом и Фетхуллагом Гюленом в декабре 2013 г. эта сеть оказывала значительную поддержку многим турецким политическим инициативам. До тех пор, пока турецкое правительство и сеть Гюлена мирно сосуществовали в Турции, многие из их мероприятий в Грузии и в других странах дополняли друг друга. Как независимые акторы, эти две группы иногда бросали друг другу вызов и вступали в жесткую конкуренцию, но в целом, правительство и сеть Гюлена способствовали созданию положительного имиджа Турции среди грузинского населения.

Школы Гюлена в Грузии, широко известные как «турецкие школы», действовали под эгидой учебных заведений Чаглар (Çağlar Eğitim Kurumları, ÇЕК), созданных в феврале 1993 г. С тех пор Организация создала семь школ и один университет в Грузии. За исключением первых двух школ и университета остальные пять были созданы после событий 2003 г. в Грузии, известных более как «Революция роз», в период президентства Михаила Саакашвили.

В Турции с особой ответственностью относились как к образовательному процессу, так и к административным обязанностям в так называемых «турецких школах» за рубежом. Помимо современного оснащения техникой и оборудованием, особое внимание организаторами уделялось участию школьников и студентов в олимпиадах по турецкому языку (Türkçe Olimpiyatları), которые позволяли участникам бесплатно посетить Турцию, познакомиться с организаторами программы и установить контакты¹⁵. Примечательно, что между «турецкими» школами и университетами Грузии была создана гибкая и взаимодополняющая система. Так, выпускники этих школ получали скидки на обучение в ряде университетов Грузии. В период же своего обучения в университете студенты также имели возможность периодически принимать участие в турецких культурных меро-

приятиях и посещать турецкие образовательные и академические учреждения. По данным государственной статистической службы Турции, в период с 2000 по 2011 г. в Турции обучились около 7 тыс. граждан Грузии¹⁶.

Не обошел стороной Грузию и феномен «турецких сериалов» как одно из эффективных средств культурной дипломатии Турции – сериалы «Великолепный век», «Черная любовь», «Запретная любовь» и другие с успехом транслировались на государственных каналах Грузии. По данным турецкого телевизионного монополиста – компании Au Yarım – некоторые самые популярные эпизоды сериала «Черная любовь» были проданы в Грузию по цене от 100 000 до 150 000 долл.¹⁷

Турецкая международная общественная станция, входящая в состав государственной турецкой телерадиокомпаний TRT, Голос Турции, а также популярные турецкие радиостанции (TRT FM, RadyoTurku, Radyo 3) вещали на территории Грузии.

Что касается миграционного законодательства, то в отношениях между двумя странами были достигнуты значительные результаты: так, во время очередного дружеского витка отношений между Грузией и Турцией летом 2011 г. страны подписали договор, в соответствии с которым грузины и турки могут пересекать границы даже без заграничных паспортов, лишь по удостоверению личности, на срок не более 90 дней. Во время церемонии торжественного открытия нового таможенного пункта в Сарпи президент Грузии М. Саакашвили отметил в своем выступлении, что взаимоотношения между двумя соседними странами служат образцом для подражания не только для стран Центральноазиатского региона, но и для всего мира в целом.

Представляет интерес вопрос об особенностях восприятия и формирования образа Турции как грузинской политической элитой, так и самим грузинским народом. При разработке политических подходов к Турции позиции грузинского руководства (как при Михаиле Саакашвили, так и позднее при коалиции «Грузинская мечта») определялись рядом геополитических, экономических, инфраструктурных и просто прагматических факторов. Так, например, бывший президент Грузии М. Саакашвили неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что отношения между Турцией и Грузией во время его президентского срока являлись своего рода «золотым веком». Именно при администрации Саакашвили Грузия была сторонником еще более глубокого турецкого присутствия как в грузинской экономике, так и во всем регионе. Во время своего президентства Саакашвили несколько раз подчеркивал значимость турецкого исторического опыта для грузинского народа, моделей культуры и политической системы Турции в качестве устойчивого «шаблона» грузинского развития.

Однако ситуация начала кардинальным образом меняться уже в преддверии выборов 2012 г.

Во время предвыборной агитации ряд кандидатов от входившей в то время в оппозицию коалиции «Грузинская мечта» по Батуми, Шуахевскому и даже Гардабанскому районам, а также некоторые партийные лидеры, артисты и телеведущие пропагандировали антитурецкие настроения на предвыборных митингах. Одним из самых громких среди них был Мурман Думбадзе, бывший сотрудник Аджарского государственного университета и член консервативной Республиканской партии, который построил свою репутацию на том, что стал ярким противником восстановления мечетей в Аджарии. Бека Миндиашвили, сотрудник аппарата Уполномоченного по правам человека Грузии, утверждает, что с 2007 г. все избирательные кампании отличались своей «предвыборной ксенофобией» из-за искусственным образом сконструированного «образа врага». Так, во время выборов 2012 г. коалиция «Грузинская мечта» открыто заявила о тюркофобии, провозгласив новым «врагом» страны «мечеть Азизие, запах чорбы и донер-кебаба на Батумском бульваре».

После смены власти в 2012–2013 гг. новое руководство Грузии было вынуждено пересмотреть свою антитурецкую риторику, уступив интересам некоторых общественных кругов страны, прежде всего, по причине незамедлительной ответной реакции со стороны Азербайджана и Турции. Ряд официальных заявлений в СМИ нового премьер-министра страны Бидзина Иванишвили в первые месяцы работы нового правительства вызвали тревогу как у предыдущей администрации, так и внутри турецко-азербайджанского альянса, поставив под сомнение финансовую и экономическую целесообразность некоторых региональных проектов Турции (в частности, железной дороги Карс-Ахалкалаки, строительство которой было начато в 2007 г. для соединения Турции и Азербайджана через Грузию). Первыми почувствовали все тяготы политической напряженности между двумя странами турецкие предприниматели в Грузии, отметившие ужесточение бюрократической системы в отношении них. Лишь только официальный визит в Баку и Анкару премьер-министра Б. Иванишвили смог немного разрядить обстановку, не допустив, таким образом, «заморозку» ряда совместных проектов. Бывший министр обороны Грузии Ираклий Аласания, партия которого входила в коалицию «Грузинская мечта», также отметил, что отношения Грузии с Турцией «становятся все более напряженными по мере того, как наши интересы все больше переплетаются»¹⁸. В целом можно отметить, что хотя новая администрация Грузии и продолжала поддерживать официально «вежливые» отношения с Турцией, по сравнению с правительством Саакашвили, она была куда менее оптимистична в вопросах дальнейшего укрепления и углубления двусторонних контактов.

Таким образом, анализ политической и экономической динамики двусторонних отно-

шений Турции и Грузии свидетельствует о том, что для их развития преследовались различные цели, вытекающие из существовавших геополитических реалий и амбиций. Если Турция стремилась к политическому, экономическому, культурному и социокультурному присутствию в Грузии, то политика Грузии в отношении Турции базировалась, прежде всего, на торгово-экономических и социальных факторах. Большинство грузинских общественных и политических деятелей, а также подавляющее большинство научного сообщества положительно относились к турецкому присутствию в экономической и стратегической сферах Грузии. Тем не менее наблюдалось заметное и растущее сопротивление со стороны некоторых политических сил, Грузинской православной церкви и связанных с ней религиозных структур. Немалая часть грузинского общества начала говорить о внутренних проблемах, с которыми сталкивается их страна, когда она допускает всестороннее турецкое присутствие в стратегически важных областях Грузии. С 2004 г. растущее влияние Турции в грузинской экономике, участие Грузии в энергетических программах и сохраняющаяся неопределенность в отношениях между Грузией и Россией создали для Турции системную возможность расширения своего политического влияния в Грузии.

Религия также играет определенную роль в политической жизни Турции. В отличие от экономических и политических аспектов политики «мягкой силы» Турции, религиозная составляющая столкнулась с серьезными трудностями и препятствиями. Критика и противодействие со стороны Грузинской православной церкви и различных слоев грузинского общества заметно ограничили возможности турецкого религиозного влияния. Лишь только небольшое число общин в Грузии готово было сотрудничать с Турцией в религиозных вопросах. По мере того, как проявления турецкой «мягкой силы» в отношении религиозных групп Грузии становятся все более заметными, различия между религиозными, культурными и экономическими аспектами «мягкой силы» возрастают.

Примечания

- ¹ Киреев Н. Г. История Турции XX в. М. : Крафт+ ИВ РАН, 2007. С. 141.
- ² Аватков В. А. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015) / под ред. В. А. Аваткова. М. : ООО «Паблиц», 2015. С. 37.
- ³ Chveneburi. Saakaşvili Gürcistan'ın Yeni Elçilik Binasını Açtı [online]. URL: <http://www.chveneburi.net/tr/default.asp?bpgpid=1370&pg=1> (дата обращения: 20.11.2019).
- ⁴ Семедов С. А. Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 145.

- ⁵ Aydın M. 1990-2001 Kafkasya ve Orta Asya'yla İlişkiler. İstanbul : İletişim, 2002. S. 77.
- ⁶ См.: Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.) – полный текст [online]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20100509/213153512.html> (дата обращения: 01.12.2019).
- ⁷ Bülent A. Türkiye-Rusya İlişkilerinde Çok Boyutlu Ortaklık // Sabah. 12 August 2009.
- ⁸ Semih İ. Azerbaycan da Geniş Açıdan Bakabilmeli // Milliyet. 8 September 2008.
- ⁹ Çavuşoğlu M. Speech at the Opening of the 7th Ambassadors' Conference. Ministry of Foreign Affairs, 5 January [online]. URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-mevlutcavusoglu_nun-vii_-buyukelcilerkonferansinin-acilisinda-yartigi-konusma_-5-ocak-2014_-ankara.tr.mfa (дата обращения: 20.11.2019).
- ¹⁰ Caucasus Barometer 2013 [online]. URL: <http://caucasus-barometer.org/en/datasets/> (дата обращения: 18.09.2019).
- ¹¹ TİKA. Turkish Development Assistance Report 2015 [online]. URL: <http://www.tika.gov.tr/upload/2017/YAYINLAR/TKYR%202015%20ENG/KALKINMA%20.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).
- ¹² Caucasus Barometer 2015 [online]. URL: <http://caucasusbarometer.org/en/cb2015/codebook/> (дата обращения: 18.09.2019).
- ¹³ İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments : Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency. Foreign Policy Analysis, 2015. P. 180.
- ¹⁴ Дружиловский С. В., Аватков В. А. Внешнеполитические идеологии Турции (2002–2012) // Обозреватель. 2013. № 6. С. 74.
- ¹⁵ Çavuş T. Dışpolitikada yumuşak güç kavramı ve Türkiye'nin yumuşak güç kullanımı. Sakarya Üniversitesi, 2012. S. 32.
- ¹⁶ Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <http://www.tuik.gov.tr/Start.do?jsessionid=b20GdWcRWj2gmf76jgzrvQVZYv2Ly2VHrK8hyjNymhFh1QWLTdm!-795364122> (дата обращения: 20.10.2019).
- ¹⁷ См.: Казаринова Д. Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии «мягкой силы» в политике государств-членов двадцатки // Свободная мысль. 2011. № 3.
- ¹⁸ Ter-Matevosyan V. Turkey in Georgia : pursuing the “Soft Power” politics // Religion and Soft Power in South Caucasus. Policy perspective. Tbilisi : Georgian Institute of Politics, 2017. P. 33–41.

Образец для цитирования:

Шамарина О. А. Грузия в контексте турецкой политики «мягкой силы» на рубеже веков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 231–236. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-237>

Cite this article as:

Shamarina O. A. Georgia in the Turkish «Soft Power» Policy Context on the Cusp of Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 231–236 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-231-236>